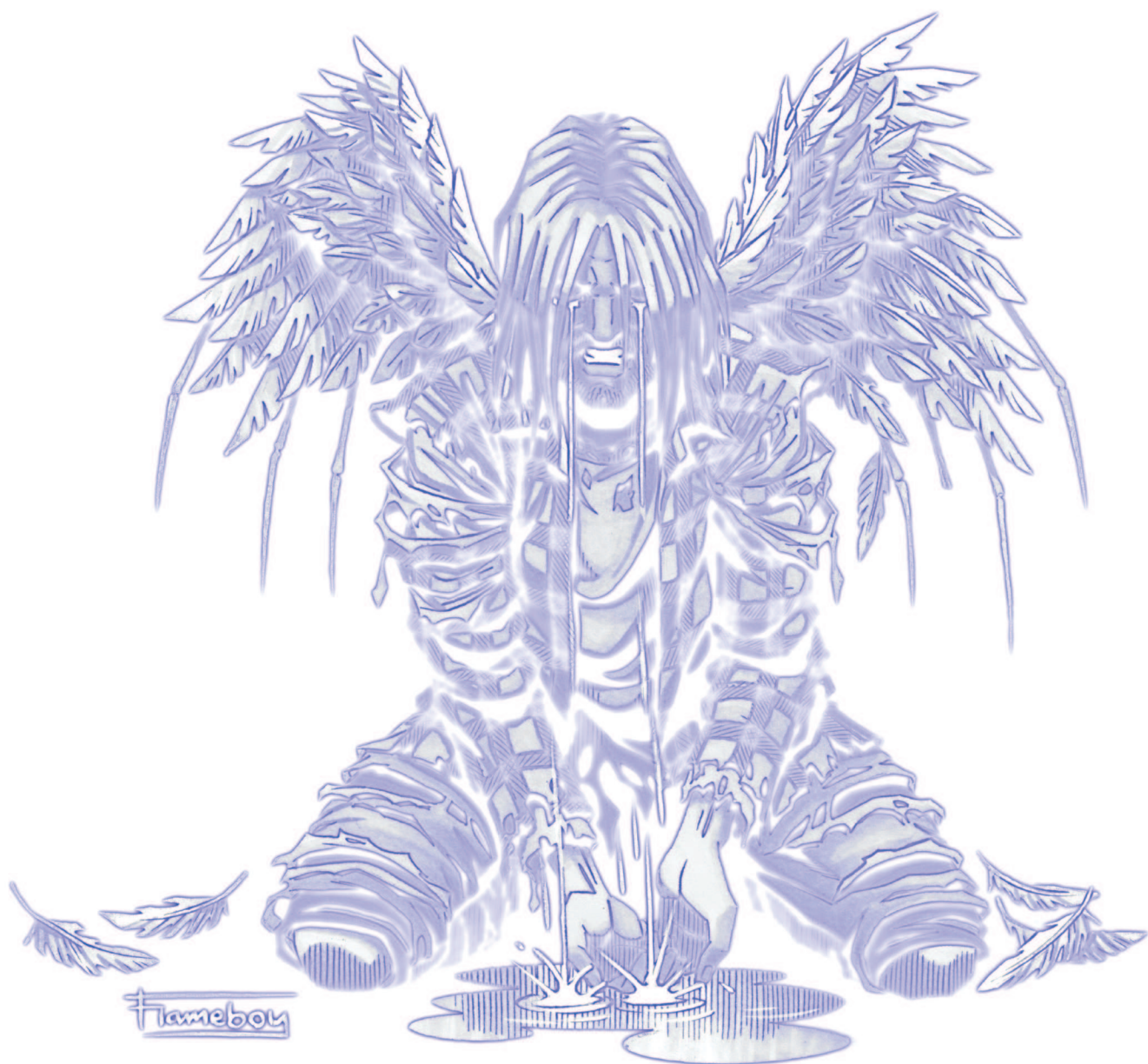


КУРТ КОБЕЙН СЧАСТЛИВОГО ПУТИ



Барнаби Легг
Джим Маккарти

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

M15

Jim McCarthy, Barnaby Legg, Flameboy

GOD SPEED: THE KURT COBAIN GRAPHIC NOVEL

Печатается с разрешения Omnibus Press
Издание подготовлено ООО «Издательство АСТ»
Все права защищены

Маккарти, Джим.

M15

Курт Кобейн. Счастливого пути / Джим Маккарти, Барнаби Легг, Flameboy ; перевод с английского Алексея Ионова.— Москва: Издательство АСТ, 2021. — 96 с. — (Великие графические романы).

ISBN 978-5-17-134044-5

Сценаристы Барнаби Легг и Джим Маккарти создали совершенно уникальный графический роман. Начинаясь в светлых красках безмятежного детства, история Кобейна неизбежно окрашивается в гораздо более тёмные тона. Яркие иллюстрации художника Flameboy охватывают как внутренний мир певца, так и объективную реальность, смесь которых составляет суть этой трагической музыкальной легенды.

Эта история намного больше, чем просто биография, и не похожа ни на что ранее опубликованное о Курте Кобейне. Потрясающая работа авторов и художника превращает необыкновенную жизнь легендарного исполнителя в столь же необычное произведение искусства.

ISBN 978-5-17-134044-5

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

This translation of GOD SPEED: THE KURT COBAIN GRAPHIC NOVEL, first published in 2011, is published by arrangement with Omnibus Press.

© 2020 Omnibus Press

© А. Ионов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

ВВЕДЕНИЕ

КУРТ КОБЕЙН, 1967-1994

Автор Питер Доггетт

Эта книга начинается и кончается самоубийством, но не думайте, что она повествует о неудаче. Курт Кобейн появился как общественная фигура одновременно с тем, как СМИ признали феномен бездельников поколения X. Когда его длинные волосы закрывали лицо, а глаза отражали ничтожность героиновой зависимости, он мог сойти за архетип своего поколения. Но хотя он сам мог выглядеть измождённым, его жизнь определённно не была такой.

Если вы хотите описать жизнь Курта Кобейна одним словом, забудьте о слове «неудача» и попробуйте «героизм» — вид мужества, который олицетворяет борьбу за изящество и здравомыслие перед ликом непреодолимых трудностей. Пятьсот лет назад героев увековечивали в статуях и картинах, их изображения использовали, чтобы пробуждать патриотическое безумие и религиозный пыл даже после их смерти. В современном мире герои попадают на футболки. И существует особая разновидность героев, более могущественных после смерти, чем их можно было представить при жизни.

Возьмём пару примеров. Актёр Джеймс Дин едва успел ощутить своё влияние на американских подростков в середине 50-х, как погиб в автокатастрофе. Уже замеченный за невнятное, но убедительное присутствие на экране, он быстро превратился в символ не так понятой молодежи во всём западном мире. Будь он сейчас жив, ему бы уже было за семьдесят. А так ему навеки осталось 23.

Символом поколения шестидесятых стал ещё один преждевременно погибший музыкант — вокалист группы The Doors Джим Моррисон. Он умер от передозировки в 1971 году, раздутый, бородатый, неуклюжая пародия на самозваного короля ящеров и бога секса, он преодолел пропасть между тинибопом и роком ещё в 1967 году. Он считал себя не просто рок-звездой, но философом и поэтом, но спустя десять лет после того, как он испустил свой последний вздох в парижской ванне, о нём вспоминали только как о части поколения потерянных звёзд. Джими Хендрикс, Дженис Джоплин, Джим Моррисон — казалось, их смерти ознаменовали конец мечты хиппи 60-х. Затем, в начале 80-х, появились его ставшая бестселлером биография и голливудский фильм, и внезапно Джим оказался на груди каждого одетого в чёрное подростка, невероятно гламурная икона обречённого идеализма, успевшая ещё перед смертью прочувствовать свой физический и духовный упадок.

На первый взгляд, Курт Кобейн кажется ещё одним лицом с футболки, эталонным ребёнком с глазами, полными отчаяния, его испуганный взгляд словно бы противоречит смыслу слова, напечатанного под его лицом: «Нирвана». Прошло примерно десять лет (плюс-минус) с момента его смерти, и его изображение уже носят на себе дети, чьё единственное знакомство с музыкой при жизни Курта Кобейна ограничивалось прослушиванием музыкальных тем телевизионных детских передач. Курт Кобейн и его группа превратились в символ подлинности в эпоху пустоты,

а подобный статус создаёт опасность, что он сохранится в памяти потомков только как смехотворная карикатура на всё, что делало его важным в первую очередь. Подобная уловка-22 позабавила бы Курта, в его отношении к СМИ и славе презрение сочеталось с идеалистическим очарованием. Он тоже хотел верить в героев, но знал, что большинство из его героев обязательно его подведут.

В изгоях (или, как их ещё называют в самом известном фильме Джеймса Дина, в «бунтовщиках без причины»), ставших жертвой бесчувственного мира, всегда есть что-то романтическое. Но мятежники существовали с незапамятных времён. Джеймс Дин отличался тем, что в угрюмых чёрно-белых тонах он создал окончательный образ непонятого чужака — портрет такой же яркий и пронзительный, что и пятьдесят лет назад. И до тех пор, пока существуют заблудшие и растерянные дети и взрослые, которые не понимают их, всегда будет существовать Джеймс Дин.

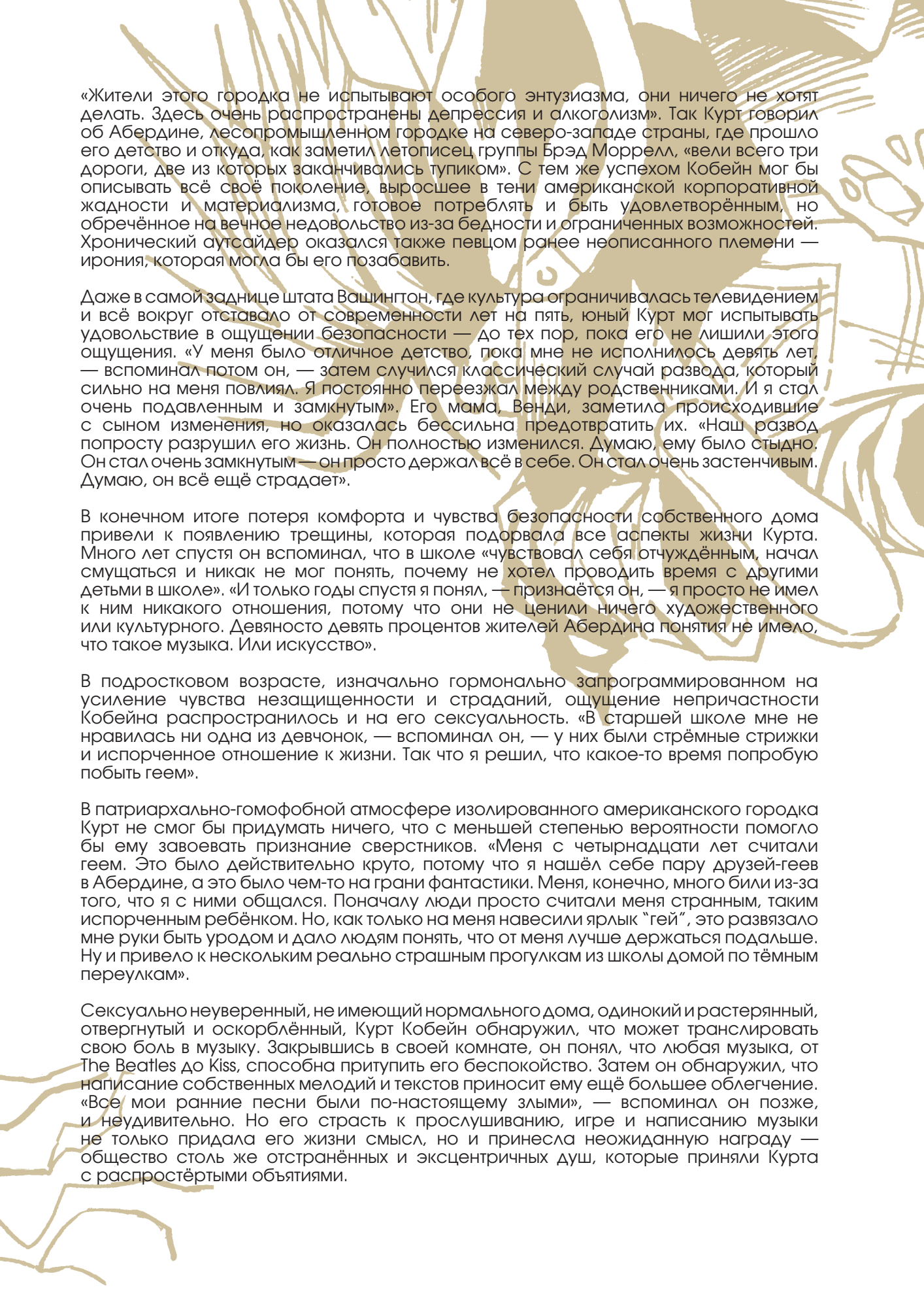
То, чего Джеймс Дин достиг на целлулоидной плёнке, Курт Кобейн добился на магнитофонной кассете. Рок-н-ролл появился как истинный голос молодежи, и никто и никогда не документировал ярость, замешательство, жалость к себе и боль подросткового возраста с такой яркостью и жестокостью, как это делал Курт. Рок-слава традиционно остаётся в состоянии фантазии, в которой могут быть удовлетворены любые сексуальные, материальные и химические прихоти. Быть звездой — это величайшее стремление к власти. Наградой для героя становится исполнение мечты, лежавшей у истоков его воображения. Нужны ли ему мальчики или девочки, наркотики или выпивка, машина или частный самолёт, извращение или излишество, — ему достаточно будет просто попросить, и дюжина лакеев тут же выстроится в очередь, чтобы исполнить мечту своего кумира.

Как могли бы вам подтвердить Элвис Пресли, Джими Хендрикс или Джим Моррисон, абсолютная власть абсолютно развращает, и, в конце концов, после того, как все таблетки выветрились, а поклонницы разошлись по домам, наступает абсолютная скука. Однако ни одна из этих пресытившихся икон не осознала фатальную ошибку в своём плане удовлетворения удовольствий, пока не стало слишком поздно. И, разумеется, никто из них не смог раскрыть вакуум, лежавший в основе их славы, пока весь мир наблюдал и поклонялся каждому их шагу.

И тут появляется Курт Кобейн, человек, который разрушил всю основу, на которой вообще был построен рок-н-ролл. Он сделал это не специально, нет, он хотел прославиться, потому что думал, что если обретёт абсолютную власть, то сможет избавиться от проблем, которые отравляли ему жизнь с девяти лет. Вскоре он обнаружил, что деньги и слава могут принести ему женщин, неограниченный выбор наркотиков, роскошный образ жизни и номера в пятизвёздочных отелях по всему миру, но в остальном ничего не изменится.

Его живот болел точно также, как когда он рос испорченным подростком в Абердине, штат Вашингтон. Героин избавил его от боли, доходы Nirvana позволяли ему покупать бесконечное количество героина, но героин испортил все его отношения и заставил ненавидеть собственную слабость и пристрастие. С наркотиками или без, Курт Кобейн по-прежнему чувствовал себя опустошённым, отвергнутым и нелюбимым. Так было с тех пор, как его родители расстались, и даже появление женщины его мечты — столь же экстремальной и травмированной Кортни Лав — не заполнило пустоту.

Пока что всё предсказуемо. Что отличало Курта Кобейна от его предшественников, так это то, как он использовал источник своей славы — музыку Nirvana, — чтобы раскрыть миру свою пустоту. Он не искал себе дополнительной славы за этот прорыв, самоуничтожаясь до последнего, он, в конце концов, сдался физическому и психическому заболеванию, преследовавшему его последние годы, и покончил с собой, лишь бы не встречать ещё один день, находясь в своей сверхчувствительной оболочке. Однако его история — это не просто очередное исследование болезненного упадка. Даже если он сам и не смог одолеть собственных демонов, Курт Кобейн предоставил дорожную карту, которой нужно придерживаться тем, кто пришёл после него, если они хотят выжить.



«Жители этого городка не испытывают особого энтузиазма, они ничего не хотят делать. Здесь очень распространены депрессия и алкоголизм». Так Курт говорил об Абердине, лесопромышленном городке на северо-западе страны, где прошло его детство и откуда, как заметил летописец группы Брэд Моррелл, «вели всего три дороги, две из которых заканчивались тупиком». С тем же успехом Кобейн мог бы описывать всё своё поколение, выросшее в тени американской корпоративной жадности и материализма, готовое потрепаться и быть удовлетворённым, но обречённое на вечное недовольство из-за бедности и ограниченных возможностей. Хронический аутсайдер оказался также певцом ранее неопisanного племени — ирония, которая могла бы его позабавить.

Даже в самой заднице штата Вашингтон, где культура ограничивалась телевидением и всё вокруг отставало от современности лет на пять, юный Курт мог испытывать удовольствие в ощущении безопасности — до тех пор, пока его не лишили этого ощущения. «У меня было отличное детство, пока мне не исполнилось девять лет, — вспоминал потом он, — затем случился классический случай развода, который сильно на меня повлиял. Я постоянно переезжал между родственниками. И я стал очень подавленным и замкнутым». Его мама, Венди, заметила происходившие с сыном изменения, но оказалась бессильна предотвратить их. «Наш развод попросту разрушил его жизнь. Он полностью изменился. Думаю, ему было стыдно. Он стал очень замкнутым — он просто держал всё в себе. Он стал очень застенчивым. Думаю, он всё ещё страдает».

В конечном итоге потеря комфорта и чувства безопасности собственного дома привели к появлению трещины, которая подорвала все аспекты жизни Курта. Много лет спустя он вспоминал, что в школе «чувствовал себя отчуждённым, начал смущаться и никак не мог понять, почему не хотел проводить время с другими детьми в школе». «И только годы спустя я понял, — признаётся он, — я просто не имел к ним никакого отношения, потому что они не ценили ничего художественного или культурного. Девяносто девять процентов жителей Абердина понятия не имели, что такое музыка. Или искусство».

В подростковом возрасте, изначально гормонально запрограммированном на усиление чувства незащищенности и страданий, ощущение непричастности Кобейна распространилось и на его сексуальность. «В старшей школе мне не нравилась ни одна из девочек, — вспоминал он, — у них были стрёмные стрижки и испорченное отношение к жизни. Так что я решил, что какое-то время попробую побыть геем».

В патриархально-гомофобной атмосфере изолированного американского городка Курт не смог бы придумать ничего, что с меньшей степенью вероятности помогло бы ему завоевать признание сверстников. «Меня с четырнадцати лет считали геем. Это было действительно круто, потому что я нашёл себе пару друзей-геев в Абердине, а это было чем-то на грани фантастики. Меня, конечно, много били из-за того, что я с ними общался. Поначалу люди просто считали меня странным, таким испорченным ребёнком. Но, как только на меня навесили ярлык "гей", это развязало мне руки быть уродом и дало людям понять, что от меня лучше держаться подальше. Ну и привело к нескольким реально страшным прогулкам из школы домой по тёмным переулкам».

Сексуально неуверенный, не имеющий нормального дома, одинокий и растерянный, отвергнутый и оскорблённый, Курт Кобейн обнаружил, что может транслировать свою боль в музыку. Закрывшись в своей комнате, он понял, что любая музыка, от The Beatles до Kiss, способна притупить его беспокойство. Затем он обнаружил, что написание собственных мелодий и текстов приносит ему ещё большее облегчение. «Все мои ранние песни были по-настоящему злыми», — вспоминал он позже, и неудивительно. Но его страсть к прослушиванию, игре и написанию музыки не только придала его жизни смысл, но и принесла неожиданную награду — общество столь же отстранённых и эксцентричных душ, которые приняли Курта с распростёртыми объятиями.

Зацепившись за тех, кто вышел за рамки мейнстрима в Абердине, Курт открыл для себя панк-рок во всех его формах и строго определённых субкультурах. Прямой, честный, конфронтационный, купающийся в своём собственном долбаном отчаянии, панк-рок был как раз той средой, в которой он мог существовать. Главным принципом панка была универсальность: кто угодно мог к нему относиться, кто угодно мог им заниматься. Перед Куртом начала открываться дорога в Nirvanу.

Nirvana потребовалось три года, чтобы перейти от первой демо-записи к первому альбому, и ещё два, чтобы добиться мировой известности. «Все невероятно ошибочно толкуют Nirvana, — считает Джонатан Поунмэн, циничный босс первого лейбла группы, Sub Pop, — никто не слушает, что хочет сказать эта группа. Тема и тексты песен бессмысленны. Важно то, что они достигают людей».

Курт Кобейн был не больше других уверен в том, что он делает и почему. «Когда я писал эти песни, я действительно не знал, что хотел сказать. Нет никакого смысла пытаться их проанализировать или объяснить». Басист Nirvana Крест Новоселич дал более внятное определение их цели: «Всё, что мы говорим, это “Будь в курсе. Информации много. Используй это”». Но не Крест писал песни и жил в голове Курта Кобейна.

Курт определённо не пытался стать знаменосцем целого поколения. У него не было последовательной философии и тщательно продуманной пиар-кампании, он не вёл крестовый поход. По мере того как росла его слава, росли и его замешательство и отвращение к себе. От восторга от того, что он стал всемирно известной рок-звездой, до объявления о намерении назвать следующий альбом Nirvana «Я ненавижу себя и хочу умереть» потребовался всего один маленький шаг. И он не лгал ни на секунду.

Тем не менее всем эквивалентам Курта Кобейна, наблюдавшим за его шатким и опасным продвижением по минному полю славы, его замешательство и разочарование приносили странное удовлетворение. Перед Nirvana американские рок-звёзды превратились в мультяшных персонажей — в случае с такими группами, как Kiss, которые радовались своему превращению из рабочих рокеров в огромных, больше жизни, торгулий (в буквальном смысле). В 80-е годы американский рок-н-ролл породил целую вереницу предполагаемых икон, единственной точкой контакта которых с аудиторией оставался процесс передачи денег бедных богатым. Гламурно наштукатуренные, продающие фальшивый гнев и модельный успех группы, подобные Guns 'N' Roses и W*A*S*P, превратили бунтарский дух в пародию. Они требовали, чтобы им поклонялись за их славу и богатство, а взамен выказывали презрение ко всем, кто не мог похвастаться их голливудскими бассейнами и пристрастием к кокаину.

Хотя подростком Кобейна привлекали юмор Kiss и их беззастенчивое владение попсовыми мелодиями, ему были противны те, кто последовал за Kiss. Ещё сильнее его отвращала пудельская лесть тех, кто покупал их пластинки. На протяжении всего пребывания на вершине славы, не важно, как сильно он отрывался от своего творчества и рассудка, Курт Кобейн никогда не забывал об отвращении, которое испытывал к убогости корпоративного рока, и о чувстве свободы и смысла, которое обнаружил в панке. Верный истощённому чувству собственного достоинства, Курт Кобейн всегда оставался своим самым строгим судьёй. Его посмертно изданные записные книжки были полны ненависти и презрения к себе.

Однако музыка рассказывает свою собственную историю. Возможно, Курт и был пуристом, когда дело касалось философии панк-рока, но когда доходило до записи музыки, он становился настоящим коммуникатором. По его записным книжкам ясно видно, что он точно знал, что делал, когда отшлифовывал первобытный гранж Bleach с дебютного альбома Nirvana, превращая его в более подходящий для радио переключающий правила игры (его слова) Nevermind. И в той же степени он осознавал, что суматоха, безумие и мелодичная легкость Nevermind принесут Nirvana такое огромное количество поклонников, что затем он сможет записать один из самых бескомпромиссных альбомов в истории рок-музыки — In Utero. Это ведь нешуточное достижение — покорить самый циничный рычаг средств массовой

информации исключительно на своих условиях, завоевать массовую аудиторию, а затем подвергнуть ее экстремальному самоанализу тьмы, являющейся полной противоположностью привычной мужественности и бахвальству хард-рока.

«Nirvana — это просто рок-группа, — писал Брэд Моррелл за год до самоубийства Кобейна, — но они достигли уровня, на котором у них появилась реальная возможность изменить понимание своего времени». Большинство звёзд отвлекается на поклонниц и блеск славы. Курт помнил, как в юности ловил каждое слово своих рок-идолов. Он использовал всемирный успех Nevermind, чтобы открыть разумы тех, кто теперь относился к нему с таким же трепетом.

Непростая задача даже для суперзвезды. Но даже когда его личная жизнь скатилась во тьму и зависимость, Курт продолжил отстаивать идеалы, считавшиеся диковинными в безжизненном ландшафте рок-мира. В андеграунде всегда существовали скрытые движения феминизма и освобождения геев, но в мейнстримном американском роке женщины продолжали оставаться объектами мастурбационных фантазий и рабынями, а геи молили, чтобы их распяли у позорного столба, а то и чего похуже. Курт не только не пытался скрыть свою женскую сторону, он подчеркивал её, одеваясь в то, что Дэвид Боуи однажды назвал «мужским платьем», он давал интервью журналам о гейском образе жизни, эффективно выступая как человек, который относится с предубеждением только к тем, кто сам предубеждён против кого-то. Его песни протоколируют мужское насилие над женщинами, и хотя его отношения с Кортни Лав нельзя было назвать традиционно романтическими, они никогда не строились на традиционной позиции мужской силы, а его искренняя преданность дочери Фрэнсис доказывала, что даже пресытившаяся рок-звезда может понимать любовь не только как сексуальное стремление.

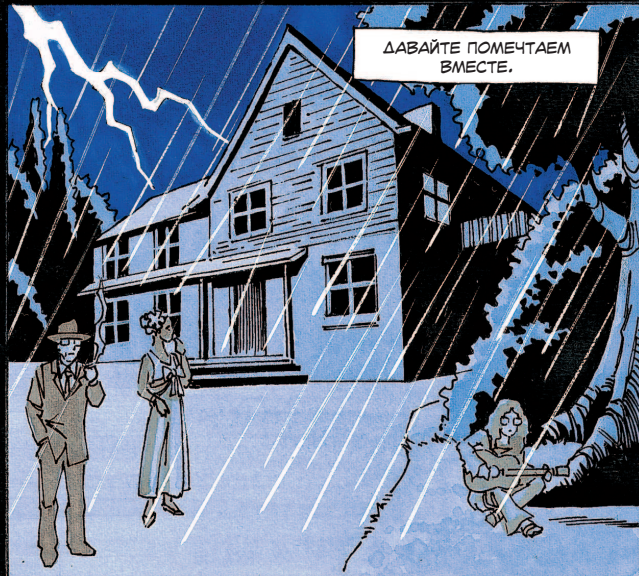
Но самое главное: каждое слово, которое он произносил или пел, провозглашало, что чувствовать — это нормально. На самом деле, не просто нормально, но необходимо, если вы хотите быть человеком. Курт презирал позёрство и фальшивые мнения большинства рок-музыкантов, в панк-роке его привлекала эмоциональная реальность. Он один среди своих сверстников нашёл способ воплотить эту философию в музыку, соответствующую всем звуковым требованиям мейнстрима.

Открытость эмоциям гарантировала Курту Кобейну не только удовольствие, но и боль. Иногда простое наблюдение за его ежедневными буднями пропитывало наблюдателя его болью и отчаянием. Подобно исполняющему смертельный номер каскадеру, настаивающему, что даже первая репетиция не требует страховки, Курт, казалось, постоянно балансировал на грани гибели. «Все думали, что мы самоуничтожимся, но это не так, — говорил он в 1992 году, — я сам об этом думал, потому что мы взлетели в такой ярости». Тем не менее, до тех пор, пока его психическое заболевание не окунуло его в самые глубокие пропасти отчаяния, Курт сохранял сверхъестественное равновесие истинного художника.

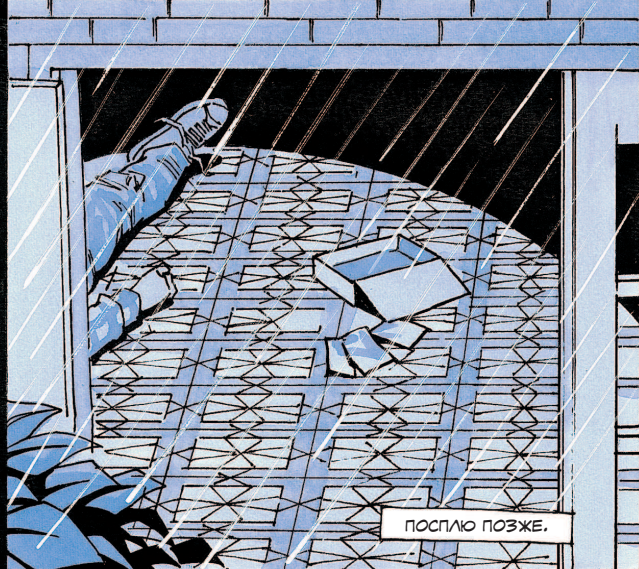
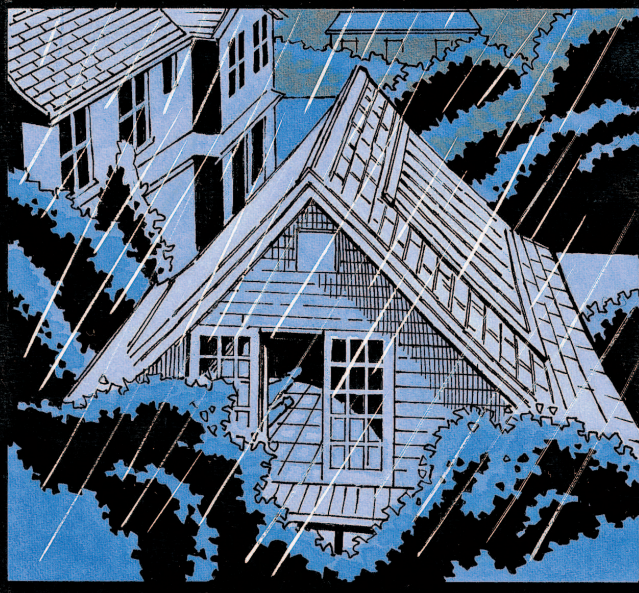
Даже когда он не мог больше терпеть, даже когда начал понимать, что его мучительное существование вредит его жене, ребёнку и поклонникам, он ни разу не изменил своим обязательствам. После того, как в течение нескольких месяцев в прессе появлялись сообщения о передозировках и интервенциях, его самоубийство казалось неизбежным, пусть даже ужасающе шокирующим и нереальным. Но Курт никогда не пытался притвориться, что делает нечто большее, чем следует своим эмоциям. Его смерть была не ролевой моделью для подражания, а реакцией больного человека на боль и страдания, которые он не мог более выносить. Даже в самый мрачный миг его жизни он транслировал другие сигналы: будь верен себе, будь открытым для мира, не бойся чувствовать, не бойся быть другим, не бойся быть живым. Именно поэтому Курт Кобейн жив до сих пор, он жив на футболках, в комиксах и в сердцах всех тех, кто ещё слышит, как он поёт.



ВЫ ВСЕ ТОЖЕ МЕЧТАЕТЕ.



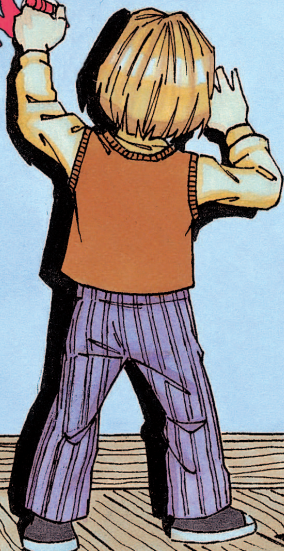
ДАВАЙТЕ ПОМЕЧТАЕМ
ВМЕСТЕ.



ПОСПЛО ПОЗЖЕ.

У МЕНЯ БЫЛО СЧАСТЛИВОЕ
ДЕТСТВО.

НЕ НАВИЖУ



ВЗГЛЯНИТЕ...

НЕ НАВИЖУ
МАМУ С ПАПОЙ

ТАКОЙ МИЛАШ, ПРАВДА?

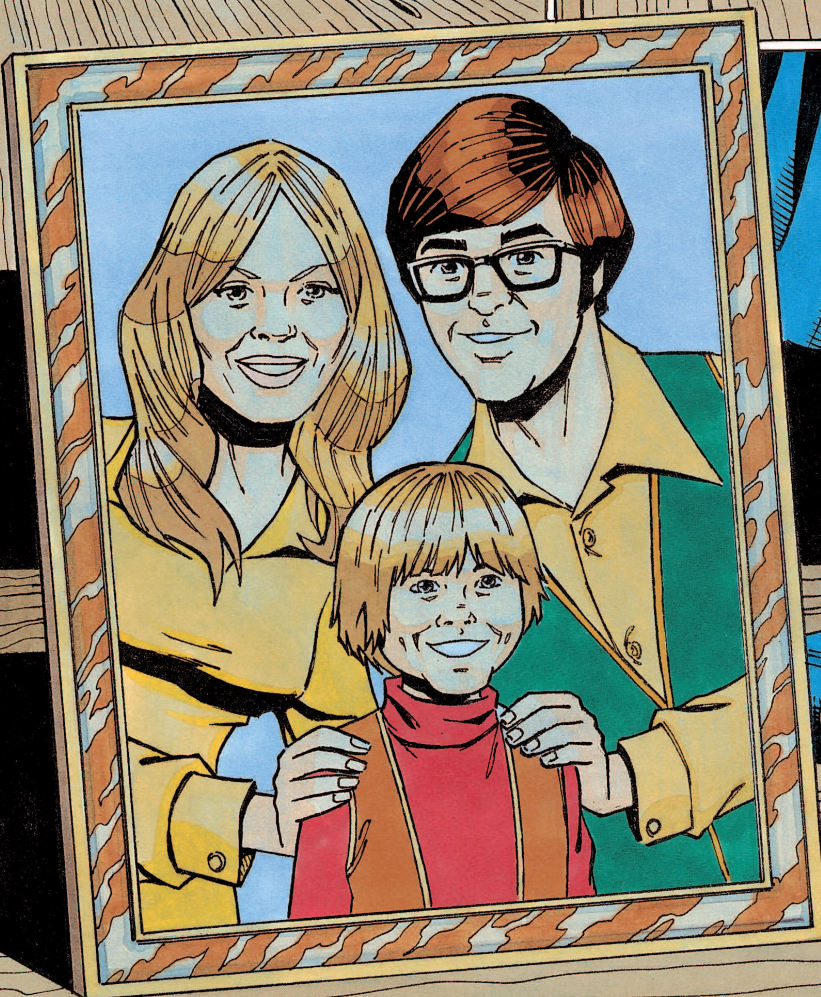


РАЗВЕ НЕТ?

В ХОКИАМЕ, ГДЕ СЛИВАЮТСЯ ТРИ РЕКИ,
В СЕМЬЕ ДОНАЛЬДА И ВЕНДИ КОБЕЙНОВ.

МАЛЬЧИК.

НИ ДАТЬ НИ ВЗЯТЬ
АНГЕЛОЧЕК.



СКАЗКИ БРАТЬЕВ Г